

ЦЕНТР МЕЖДУНАРОДНЫХ
И СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

СИНГАПУРСКАЯ КОНВЕНЦИЯ О МЕДИАЦИИ: ОБЗОР ОСНОВНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ, ЮРИДИЧЕСКИХ ПРЕИМУЩЕСТВ И РИСКОВ УЧАСТИЯ ДЛЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Дмитрий Давыденко, Юлия Муллина, Егор Федоров

Июнь 2026

Сингапурская конвенция о медиации: обзор основных положений, юридических преимуществ и рисков участия для Российской Федерации

Аннотация: Сингапурская конвенция о медиации – международный договор, разработанный и принятый в рамках ЮНСИТРАЛ и призванный содействовать мирному урегулированию споров посредством медиации. Конвенция создаёт правовую основу для признания и приведения в исполнение международных медиативных соглашений, достигнутых в результате урегулирования коммерческих споров. Настоящий обзор посвящён анализу основных положений и особенностей применения Конвенции, её имплементации в отдельных иностранных юрисдикциях, а также оценке юридических преимуществ и рисков возможного участия в ней России. Отдельное внимание в рамках обзора уделяется действующему российскому регулированию, которое не предусматривает специального механизма для признания и приведения в исполнение международных медиативных соглашений. По итогам анализа сделан вывод о том, что потенциальное участие России в Конвенции может упростить признание и приведение в исполнение международных медиативных соглашений и повысить доверие к медиации, в том числе как способу урегулирования споров с участием российских лиц. Возможные юридические риски участия России в Сингапурской конвенции являются ограниченными и могут быть минимизированы с учётом как самой природы медиации, так и предусмотренных Конвенцией положений. При этом участие в Конвенции не потребует значительных изменений российского законодательства.

Ключевые слова: Сингапурская конвенция, медиация, мировое соглашение, международное медиативное соглашение, признание и приведение в исполнение

Цитирование: Давыденко Д., Муллина Ю., Федоров Е. *Сингапурская конвенция о медиации: обзор основных положений, юридических преимуществ и рисков участия для Российской Федерации*. Центр международных и сравнительно-правовых исследований, 2026. <https://doi.org/10.65556/OPCC1900>

Распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International – [CC BY 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

© Центр международных и сравнительно-правовых исследований, 2026

The Singapore Convention on Mediation: Key Provisions, Potential Legal Advantages and Risks of Participation for the Russian Federation

Abstract: The Singapore Convention on Mediation is an international treaty developed and adopted within the framework of UNCITRAL and designed to promote the amicable settlement of disputes through mediation. The Convention establishes a legal framework for the right to invoke and enforce international settlement agreements resulting from mediation and concluded to resolve commercial disputes (settlement agreements). This review analyzes the key provisions of the Convention, specific aspects of its application, its implementation in selected foreign jurisdictions, as well as the legal advantages and risks of Russia's potential participation in it. Particular attention is paid to the existing Russian regulation, which does not provide for a specific mechanism for invoking and enforcing such settlement agreements. The analysis concludes that Russia's potential participation in the Convention may simplify the procedure for invocation and enforcement of settlement agreements and increase confidence in mediation, including as a means of resolving disputes involving Russian parties. The possible legal risks of Russia's participation in the Singapore Convention are limited and may be minimized in view of both the very nature of mediation and the provisions contained in the Convention. At the same time, becoming a party to the Convention would not require a comprehensive reform of Russian legislation.

Key words: Singapore Convention, mediation, settlement agreement, international mediated settlement agreement, recognition and enforcement

Citation: Davydenko D., Mullina Y., Fedorov E. (2026). *The Singapore Convention on Mediation: Key Provisions, Potential Legal Advantages and Risks of Participation for the Russian Federation*. International and Comparative Law Research Center. <https://doi.org/10.65556/OPCC1900>

Distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License ([CC BY 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)).

© The International and Comparative Law Research Center, 2026

Оглавление

<i>Сокращения</i>	6
Введение	7
Резюме	9
I. Обзор основных положений Сингапурской конвенции	13
1. Особенности терминологии Сингапурской конвенции	13
2. Сфера применения Сингапурской конвенции	15
3. Предоставление помощи по Сингапурской конвенции	15
4. Условия предоставления помощи по Сингапурской конвенции	17
5. Основания для отказа в предоставлении помощи по Сингапурской конвенции	18
6. Параллельные заявления или требования	22
7. Соотношение с Сингапурской конвенцией другого законодательства и международных договоров	23
8. Оговорки	23
II. Обзор практики реализации и имплементации Сингапурской конвенции в иностранных юрисдикциях	26
III. Регулирование вопросов приведения в исполнение международных медиативных соглашений в Российской Федерации	30
9. Исковое производство	30
10. Нотариальное удостоверение медиативного соглашения	31
11. Возможность признания нотариального удостоверения медиативного соглашения, осуществлённого иностранным нотариусом	32
IV. Юридические преимущества участия в Сингапурской конвенции для Российской Федерации	34
12. Упрощение порядка и определённость условий приведения в исполнение международных медиативных соглашений	34
13. Повышение уровня доверия к стабильности условий урегулирования споров, зафиксированных в медиативных соглашениях	34
14. Расширение применения медиации	34
15. Свобода установления иного режима для внутренних медиативных соглашений	35
16. Свобода установления специальных региональных или межрегиональных режимов взаимного приведения в исполнение медиативных соглашений	35
V. Оценка потенциальных юридических рисков для Российской Федерации, связанных с участием в Сингапурской конвенции	37
VI. Рекомендации об основных изменениях, необходимых для внесения в законодательство Российской Федерации для имплементации Сингапурской конвенции	39

17. Закон о медиации	39
18. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации	39

Сокращения

АПК РФ	Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации
Внесудебное медиативное соглашение	Медиативное соглашение, достигнутое сторонами в результате процедуры медиации, проведённой без передачи спора на рассмотрение государственного суда или третейского суда
ГК РФ	Гражданский кодекс Российской Федерации
ЕАЭС	Евразийский экономический союз
Закон о медиации	Федеральный закон от 27 июля 2010 года № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»
Кишинёвская конвенция	Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 2002 года
Конвенция об апостиле	Конвенция, отменяющая требование легализации иностранных официальных документов, 1961 года
Международное медиативное соглашение	Медиативное соглашение, на дату заключения которого коммерческие предприятия по крайней мере двух его сторон находятся в различных государствах либо государство нахождения их коммерческих предприятий не является ни государством, в котором исполняется значительная часть обязательств по соглашению, ни государством, с которым наиболее тесно связан предмет соглашения
Минская конвенция	Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1993 года
Нью-Йоркская конвенция 1958 года	Конвенция ООН о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 года
Сингапурская конвенция	Конвенция ООН о международных мировых соглашениях, достигнутых в результате медиации, 2018 года
СНГ	Содружество Независимых Государств
Судебное медиативное соглашение	Медиативное соглашение, утверждённое судом или зафиксированное третейским судом в виде арбитражного решения на согласованных условиях
ЮНСИТРАЛ	Комиссия ООН по праву международной торговли

Введение

Конвенция ООН о международных мировых соглашениях, достигнутых в результате медиации¹ (**Сингапурская конвенция**), была принята Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН № 73/198 20 декабря 2018 года² и вступила в силу 12 сентября 2020 года. Конвенция получила наименование в честь города-государства Сингапур, в котором 7 августа 2019 года она была открыта для подписания.

В своей резолюции Генеральная Ассамблея ООН выразила убежденность в том, что принятие Конвенции, «приемлемой для государств с различными правовыми, социальными и экономическими системами, будет дополнять существующую нормативно-правовую базу по международной медиации и содействовать развитию гармоничных международных экономических отношений»³.

Проект Сингапурской конвенции был подготовлен в рамках Рабочей группы II (Урегулирование споров) Комиссии ООН по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ)⁴. В соответствующей работе приняла участие в том числе Российская Федерация.

Конвенция открыта для присоединения всех не подписавших её государств, а также для участия региональных организаций экономической интеграции, учреждённых суверенными государствами и обладающих компетенцией в отношении некоторых вопросов, регулируемых Конвенцией⁵.

На момент подготовки настоящего обзора Конвенцию подписали 60 государств, и она вступила в силу для 22 государств⁶. Ни одна из региональных организаций экономической интеграции (в том числе, например, Европейский союз) пока не участвует в Сингапурской конвенции.

Основным принципом Конвенции является благоприятствование мирному урегулированию споров, в частности посредством медиации. Это следует из указанной выше Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, в которой было отмечено, что Генеральная Ассамблея принимает Конвенцию, «признавая важность медиации как одного из методов мирного урегулирования споров, возникающих в контексте международных коммерческих отношений». То же следует из Преамбулы Конвенции:

«...использование медиации дает существенные выгоды, такие как сокращение количества случаев, при которых спор ведет к прекращению коммерческих отношений, облегчение осуществления международных операций участниками коммерческой деятельности и достижение экономии в процессе отправления правосудия государствами,

...создание основы для международных мировых соглашений, достигнутых в результате медиации, приемлемой для государств с различными правовыми, социальными и

---

¹ Конвенция ООН о международных мировых соглашениях, достигнутых в результате медиации. [URL](#)

² Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 73/198 от 20.12.2018. [URL](#)

³ Там же.

⁴ Доклад Рабочей группы II (Урегулирование споров) о работе её шестьдесят восьмой сессии (Нью-Йорк, 5-9 февраля 2018 года). [URL](#). Подготовительные материалы и иные документы, связанные с разработкой Сингапурской конвенции, доступны на сайте ЮНСИТРАЛ, см. Конвенция Организации Объединённых Наций о международных мировых соглашениях, достигнутых в результате медиации (Нью-Йорк, 2018 год) («Сингапурская конвенция о медиации»). ЮНСИТРАЛ. [URL](#)

⁵ Далее по тексту обзора для обозначения участвующих в Сингапурской конвенции сторон используется объединяющее их словосочетание «государства-участники».

⁶ Статус участия в Сингапурской конвенции см. Конвенция Организации Объединённых Наций о международных мировых соглашениях, достигнутых в результате медиации. ЮНСИТРАЛ. [URL](#); United Nations Convention on International Settlement Agreements Resulting from Mediation. UNCTC. [URL](#)

экономическими системами, будет содействовать развитию гармоничных международных экономических отношений».

Термин «мировое соглашение, которое достигнуто в результате медиации» соответствует понятию «медиативное соглашение» в терминологии российского законодательства, в том числе предусмотренной Федеральным законом от 27 июля 2010 года № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (**Закон о медиации**). В настоящем обзоре, как правило, используется термин «медиативное соглашение».

Целью настоящего обзора является анализ основных положений Конвенции, особенностей её имплементации, юридических преимуществ и рисков возможного участия Российской Федерации в ней, а также формирование предварительной позиции относительно возможных изменений в российское законодательство, которые могут потребоваться в случае присоединения Российской Федерации к Конвенции.

Представленная в обзоре информация актуальна по состоянию на 1 июня 2026 года.

Резюме

1. Сингапурская конвенция представляет собой относительно краткий международный договор, что на первый взгляд может рассматриваться как её преимущество. Вместе с тем анализ основных положений Конвенции и возможной практики их применения требует толкования не только исходя из буквального содержания её норм, но и с учётом целей Конвенции, её общего смысла, а также подготовительных материалов.
2. Ряд используемых в тексте Конвенции, а также в связи с её практическим применением терминов и словосочетаний не объясняется в ней и требует дополнительного прояснения. К ключевым терминам и словосочетаниям Конвенции можно отнести «международное медиативное соглашение», «компетентный орган», «предоставление помощи», а также «признание международного медиативного соглашения» и «приведение в исполнение международного медиативного соглашения» (пп. 21-31).
3. Сфера применения Сингапурской конвенции ограничена международными медиативными соглашениями, заключёнными в письменной форме для урегулирования коммерческого спора. Из сферы применения Конвенции прямо исключены соглашения с участием потребителей, соглашения по семейным, наследственным и трудовым спорам, а также соглашения, которые могут быть приведены в исполнение как судебное или арбитражное решение. При этом Конвенция применима к соответствующим международным внесудебным медиативным соглашениям независимо от места их заключения и национальной принадлежности сторон. Соответственно, возможность приведения такого соглашения в исполнение за пределами России на основании Сингапурской конвенции с участием, например, российского лица не зависит от участия в Конвенции России и от места заключения такого соглашения (пп. 32-36).
4. Сингапурская конвенция предусматривает два самостоятельных способа использования международного медиативного соглашения. Практическое значение Конвенции состоит (1) в возможности принудительного приведения такого соглашения в исполнение при неисполнении другой стороной принятых на себя обязательств, а также (2) в том, что такому соглашению может фактически придаваться эффект, функционально сближающий его с решением юрисдикционного органа, – для защиты от требований, уже урегулированных таким соглашением (пп. 38-45).
5. Конвенция не имеет своей целью унификацию процессуального порядка признания и приведения в исполнение международных медиативных соглашений. Принятие конкретных правил процедуры предоставления помощи в связи с международным медиативным соглашением – в связи с его приведением в исполнение или признанием – оставлено Конвенцией на усмотрение государств-участников. Единственным общим процессуальным ориентиром является требование об оперативности действий компетентного органа (пп. 46, 52).
6. Вместе с тем Конвенция устанавливает единые условия предоставления помощи и основания для отказа в ней. При этом даже при наличии соответствующих условий или оснований за компетентными органами государств-участников сохраняется дискреция при решении вопроса о признании или приведении в исполнение международного медиативного соглашения.
7. Условия предоставления помощи на основании Сингапурской конвенции являются относительно ограниченными: сторона должна представить подписанное медиативное соглашение и доказательство того, что оно было достигнуто в результате медиации. Вместе

с тем компетентный орган вправе запросить и иные документы, необходимые для проверки применимости Конвенции (пп. 48-51).

8. Основания для отказа в предоставлении помощи по Конвенции являются исчерпывающими и включают:
  - i. основания, применяемые по заявлению стороны, против которой испрашивается помощь: например, недееспособность стороны, ничтожность, неисполнимость соглашения, отсутствие его обязательной силы, неясность обязательств, противоречие предоставления помощи условиям соглашения, серьёзное нарушение медиатором применимых стандартов или нераскрытие обстоятельств, вызывающих сомнения в его беспристрастности (пп. 56-67);
  - ii. основания, которые компетентный орган может применить по собственной инициативе: противоречие публичному порядку и немедиабельность предмета спора, урегулированного посредством медиации (п. 68).
9. Сингапурская конвенция учитывает возможность параллельных процедур, связанных с тем же международным медиативным соглашением. Если в суд, арбитраж или иной компетентный орган уже подано заявление или требование, способное повлиять на предоставление помощи по Сингапурской конвенции, компетентный орган государства-участника вправе отложить вынесение решения и при необходимости потребовать предоставления обеспечения (пп. 70-72).
10. Конвенция не исключает применение иных международных договоров или национального законодательства, если они предусматривают более благоприятный режим признания или приведения в исполнение международного медиативного соглашения. Соответственно, Сингапурская конвенция действует не как исключительный механизм защиты сторон такого соглашения: стороны могут воспользоваться иными доступными средствами правовой защиты, включая национальные процедуры или международные договоры (пп. 73-75).
11. Возможность оговорок по Сингапурской конвенции ограничена двумя случаями: государство может (1) исключить применение Конвенции к международным медиативным соглашениям с участием самого государства, его органов или лиц, действующих от их имени, либо (2) заявить, что Конвенция применяется только при прямом согласии сторон конкретного соглашения на её применение. Иные оговорки, в том числе оговорка о взаимности, Конвенцией не допускаются (пп. 76-84).
12. Практика применения Сингапурской конвенции в государствах-участниках на данный момент остаётся ограниченной: доступная информация о правоприменении практически отсутствует, что связано как с относительно недавним вступлением Конвенции в силу для большинства государств, так и с тем, что в целом медиативные соглашения обычно исполняются добровольно и редко требуют принудительного исполнения. При этом само по себе отсутствие широкой практики медиации в государстве не препятствует присоединению к Конвенции. Например, опыт Республики Беларусь показывает, что государства с ограниченным распространением медиации также участвуют в Конвенции и рассматривают её как инструмент развития культуры дружественного урегулирования споров в долгосрочной перспективе (пп. 85-107).
13. Рассмотренные государства используют разные модели имплементации Сингапурской конвенции. Наиболее детальное специальное регулирование принято в Сингапуре и Беларуси: в Сингапуре действует отдельный Закон о Сингапурской конвенции о медиации 2020 года и специальные процессуальные правила, предусматривающие регистрацию

международного медиативного соглашения в качестве судебного постановления либо возможность ссылаться на него в уже начатом процессе (пп. 94-100); в Беларуси изменения были внесены в законодательство о медиации, процессуальное и налоговое законодательство, а с 2026 года соответствующее регулирование сосредоточено в Кодексе гражданского судопроизводства (пп. 101-107).

14. Зарубежный опыт показывает, что участие в Конвенции, как правило, не требует масштабной перестройки национального законодательства, но предполагает создание понятного процессуального механизма признания и приведения в исполнение международных медиативных соглашений.
15. Российское законодательство не предусматривает отдельного регулирования для признания и приведения в исполнение международных медиативных соглашений. На практике основным способом принудительного исполнения таких соглашений в России будет защита гражданских прав в исковом производстве. Придание международному медиативному соглашению силы исполнительного документа путём его нотариального удостоверения юридически возможно, однако может вызвать трудности. Они могут быть связаны с дополнительными требованиями к медиаторам (если принимали участие иностранные медиаторы), с процедурой взаимодействия с кредитными организациями (если спор связан с займом и денежные переводы заёмщику проводились через иностранный банк), а также в целом с возможными подозрениями, которые могут возникнуть у нотариуса в связи с наличием в споре иностранного элемента (пп. 108-129).
16. Потенциальное присоединение к Сингапурской конвенции может создать ряд юридических преимуществ для Российской Федерации и находящихся под её юрисдикцией субъектов международной торговли, включая упрощение порядка и определённости условий приведения в исполнение международных медиативных соглашений, повышение уровня доверия к стабильности условий урегулирования споров, зафиксированных в медиативных соглашениях. Кроме того, участие в Конвенции может расширить применение медиации с участием российских лиц. При этом Сингапурская конвенция не препятствует сохранению или созданию в российском праве иных, в том числе более благоприятных, режимов для отдельных категорий медиативных соглашений. Россия могла бы параллельно поддерживать специальный режим для внутренних медиативных соглашений, например нотариально удостоверенных, а также участвовать в создании региональных или межрегиональных механизмов взаимного признания и приведения в исполнение медиативных соглашений, в том числе в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и Содружества Независимых Государств (СНГ) (пп. 130-144).
17. Потенциальное участие Российской Федерации в Сингапурской конвенции не создаёт юридических рисков. Это связано с природой медиации: международное медиативное соглашение не может возникнуть без прямого согласия всех его сторон, должно быть заключено в письменной форме, а его признание или приведение в исполнение может быть отклонено по ряду оснований, например, при противоречии публичному порядку (пп. 145-156).
18. Возможные политические риски, связанные с медиативными соглашениями с участием самой Российской Федерации, её органов или лиц, действующих от их имени, также могут быть минимизированы средствами самой Конвенции. В частности, государство-участник вправе сделать оговорку о неприменении Конвенции к таким соглашениям. При этом участие или неучастие России в Конвенции само по себе не влияет на возможность приведения подобных соглашений в исполнение за пределами России: это зависит от участия в Конвенции государства, в котором испрашивается соответствующая помощь (пп. 151-153).

19. Предварительный анализ показывает, что для имплементации Сингапурской конвенции в Российской Федерации понадобится, главным образом, внести точечные изменения в Закон о медиации и более значительные дополнения в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (**АПК РФ**) (пп. **157-170**).

I. Обзор основных положений Сингапурской конвенции

20. Сингапурская конвенция содержит Преамбулу и 16 статей, которые условно можно разделить на общие положения, касающиеся терминологии и сферы применения Конвенции (ст. 1-2), субстантивные положения, регулирующие непосредственно вопросы признания и приведения в исполнение международных медиативных соглашений (ст. 3-7), и заключительные положения, которые среди прочего регулируют вопросы об оговорках, депозитории, подписании, вступлении в силу и т. д. (ст. 8-16). В рамках настоящего раздела будут рассмотрены ст. 1-9 Конвенции, представляющие наибольший интерес с точки зрения понимания особенностей её применения.

1. Особенности терминологии Сингапурской конвенции

21. Для обзора основных положений Сингапурской конвенции требуется предварительно прояснить смысл и значение отдельных терминов и словосочетаний, используемых в самой Конвенции, а также в контексте её применения.
22. В частности, можно выделить следующие термины и словосочетания: «мировое/медиативное соглашение», «медиация», «международное медиативное соглашение», «компетентный орган», «предоставление помощи», а также «признание международного медиативного соглашения» и «приведение в исполнение международного медиативного соглашения».
23. Хотя сама Конвенция не содержит определения всех перечисленных терминов и словосочетаний, пояснения относительно их значения часто можно вывести из её положений либо из её подготовительных материалов (*travaux préparatoires*).
24. Как следует из п. 1 ст. 1 Конвенции, «мировое соглашение» – это «соглашение, которое достигнуто в результате медиации». В российском законодательстве и, в частности, в Законе о медиации термин «мировое соглашение» соответствует термину **«медиативное соглашение»**, который и используется в рамках настоящего обзора.
25. **«Медиация»** определена в Сингапурской конвенции максимально широко и означает «процедуру, независимо от того, как она именуется, и от основы, на которой она проводится, посредством которой стороны пытаются достичь дружественного урегулирования своего спора при содействии третьего лица или лиц (“медиатор”), не обладающих полномочиями предписывать сторонам разрешение спора» (п. 3 ст. 2). Такое определение по своему смыслу аналогично определению медиации в ст. 2 Закона о медиации.
26. **«Международным»** медиативное соглашение является, если коммерческие предприятия сторон соглашения находятся:
- i. в различных государствах либо
  - ii. в одном государстве, которое, однако, не является (1) государством исполнения значительной части обязательств по соглашению, или (2) государством, с которым наиболее тесно связан предмет соглашения (п. 1 ст. 1).
27. В Конвенции также используется термин **«компетентный орган Участника Конвенции»**. В частности, у «компетентного органа» сторона международного медиативного соглашения может испрашивать помощь в связи с признанием и приведением в исполнение

соответствующего соглашения. Термин «компетентный орган», однако, в Сингапурской конвенции не раскрывается. Пояснения относительно него не содержатся и в подготовительных материалах Конвенции. В то же время отмечается, что по своей сути данный термин означает «суд или любой иной орган, уполномоченный соответствующим государством рассматривать вопросы [признания и приведения в исполнение международного медиативного соглашения]»⁷. В России соответствующие вопросы входят в компетенцию судов.

28. Следует также обратить внимание на используемое в Сингапурской конвенции словосочетание «**предоставление помощи**» (в тексте Конвенции на английском языке для обозначения соответствующего действия используется слово “relief”). Оно не определено в Конвенции, однако по своей сути означает средство правовой защиты, которое предполагает право сторон международного медиативного соглашения на признание и приведение такого соглашения в исполнение в порядке, предусмотренном Конвенцией (в частности, ст. 3-5)⁸.
29. Наконец, что касается словосочетаний «**признание международного медиативного соглашения**» и «**приведение в исполнение международного медиативного соглашения**», то прежде всего следует отметить, что это два разных инструмента правовой защиты сторон международного медиативного соглашения, предусмотренных п. 2 ст. 3 и п. 1 ст. 3 Конвенции соответственно (пп. 37-47 ниже).
30. Словосочетание «признание международного медиативного соглашения» в самой Конвенции не используется; разработчики целенаправленно избегали его включения в Конвенцию в том числе ввиду отличающихся подходов к пониманию термина «признание» в различных правовых системах⁹. Однако по смыслу Конвенции (и функционально) термин «признание» обозначает инструмент правовой защиты или «процессуальный шаг», которым может воспользоваться сторона международного медиативного соглашения для защиты от требования, погашенного медиативным соглашением (т. е. с целью защиты от необоснованного – уже исполненного или снятого в соответствии с соглашением – требования другой стороны)¹⁰. Хотя, как отмечено выше, термин «признание» в Конвенции не содержится, в рамках настоящего обзора применительно к возможности стороны сослаться на медиативное соглашение в смысле п. 2 ст. 3 Конвенции используется именно словосочетание «признание международного медиативного соглашения».
31. Что касается понятия «приведение в исполнение медиативного соглашения», то Сингапурская конвенция также не содержит его определения, хотя и содержит само словосочетание (в английском тексте Конвенции используется термин “enforcement”). В данном случае, по смыслу Конвенции, имеется в виду возможность принудительного осуществления обязательств, которые содержатся в международном медиативном соглашении, в случае, когда они не исполнены добровольно.

---

⁷ Alexander, N., Chong, S. and Giorgadze, V. (2022). The Singapore Convention on Mediation: A Commentary, Second Edition. Wolters Kluwer, Alpen aan den Rijn. P. 143.

⁸ Там же. P. 143-144.

⁹ Там же. P. 18; Гайдаенко-Шер, Н. И. (2022). *Сингапурская конвенция о медиации: Постатейный комментарий*. Infotropic Media. С. 14-17.

¹⁰ Alexander, N., Chong, S. and Giorgadze, V. The Singapore Convention on Mediation: A Commentary, Second Edition. P. 1. Также: Гайдаенко-Шер, Н. И. Сингапурская конвенция о медиации. Постатейный комментарий. С. 14.

2. Сфера применения Сингапурской конвенции

32. Сингапурская конвенция применяется именно к международным медиативным соглашениям (**п. 26 выше**), которые заключены сторонами в письменной форме в целях урегулирования коммерческого спора (п. 1 ст. 1).
33. Из сферы применения Конвенции прямо исключены медиативные соглашения, заключённые одной из сторон (потребителем) в личных, семейных, домашних целях или касающиеся семейного, наследственного или трудового права (п. 2 ст. 1).
34. Конвенция также не применяется к медиативным соглашениям, которые могут быть приведены в исполнение как судебное или арбитражное решение (п. 3 ст. 1). Соответствующие исключения из сферы применения Конвенции были сделаны для того, чтобы избежать дублирования с действующими международными договорами, такими как Конвенция ООН о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 года (**Нью-Йоркская конвенция 1958 года**), Конвенция о соглашениях о выборе суда 2005 года и Конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений по гражданским или торговым делам 2019 года, а также множество международных договоров о правовой помощи, которые включают положения о взаимном исполнении судебных решений¹¹. Соответственно, Сингапурская конвенция избегает пересечения с такими механизмами и восполняет пробел в части возможности привести в исполнение за рубежом те медиативные соглашения, которые достигнуты во внесудебном порядке и не утверждены судом (или не зафиксированы в качестве арбитражного решения на согласованных условиях).
35. Сингапурская конвенция применима к международным внесудебным медиативным соглашениям по коммерческим спорам независимо от места их заключения и национальной принадлежности сторон (т. е. не только к международным внесудебным медиативным соглашениям, сторонами которых являются лица из государств – участников Конвенции, и не только к соглашениям, заключённым в государстве-участнике, или соглашениям, к которым применимо право государства-участника Конвенции). Таким образом, возможность признания и приведения в исполнение вне России на основании Сингапурской конвенции международного медиативного соглашения с участием, например, российского лица не зависит от участия в Конвенции России и от места заключения такого соглашения. Такое признание и приведение в исполнение зависит только от того, участвует ли в Конвенции государство, в котором инициировано признание и приведение в исполнение международного медиативного соглашения.
36. Конвенция и любые оговорки к ней (**пп. 76-84 ниже**) применяются к международным медиативным соглашениям, заключённым после даты вступления в силу Конвенции для соответствующего государства-участника (ст. 9).

3. Предоставление помощи по Сингапурской конвенции

37. Из ст. 3-5 Конвенции следует, что она устанавливает единообразные условия, при соблюдении которых сторона международного медиативного соглашения может на него полагаться (т. е. испрашивать помощь в компетентном органе государства – участника Конвенции).

---

¹¹ Информационная брошюра «Конвенция Организации Объединённых Наций о международных мировых соглашениях, достигнутых в результате медиации (“Сингапурская конвенция о медиации”)». С. 1. См. также Давыденко, Д. Л. (2015). Международная принудительная исполнимость мировых соглашений в форме арбитражных решений на согласованных условиях. В А. В. Асосков и др. (ред.), *Выпуск 3: Сборник статей*. Цифра закона. С. 38-48.

38. В соответствии со ст. 3 Конвенции определены два возможных варианта использования международного медиативного соглашения стороной, обратившейся в компетентный орган государства – участника Конвенции за предоставлением помощи в связи с таким соглашением.
39. Первая ситуация возникает, когда одна из сторон не исполняет принятые на себя обязательства по международному медиативному соглашению (например, обязательство передать имущество или выплатить денежные средства). В этом случае другая сторона вправе обратиться в компетентный орган государства – участника Конвенции за его приведением в исполнение (п. 1 ст. 3).
40. Вторая ситуация возникает, когда после заключения международного медиативного соглашения одна из сторон предъявляет в судебном порядке к другой требование, которое было урегулировано таким соглашением. Конвенция гарантирует другой стороне возможность ссылаться в государственном или третейском суде в защиту от такого требования на медиативное соглашение независимо от места его заключения и применимого к нему права (п. 2 ст. 3).
41. Во втором случае фактически идёт речь о возможности признания международного медиативного соглашения. Однако Конвенция не устанавливает правила о том, какие именно правовые последствия для заявленного требования наступают в случае, когда такое требование урегулировано ранее заключённым сторонами международным медиативным соглашением. Отмечается, что таким последствием является обязанность суда отказать в рассмотрении иска в силу процессуального эстоппеля¹². По-видимому, заключение международного медиативного соглашения в силу п. 2 ст. 3 Конвенции даёт стороне право на возражение, которое препятствует рассмотрению требования по отношению к ней по существу. Иными словами, последствием заключения международного медиативного соглашения является исчерпание права на иск, если его основание уже урегулировано в медиативном соглашении.
42. Даже если толковать п. 2 ст. 3 Конвенции как основание для отказа в удовлетворении требования по существу, а не как препятствие к рассмотрению иска, по смыслу Конвенции такое основание должно применяться в приоритетном порядке и является самодостаточным (подобно ссылке ответчика на истечение исковой давности в отношении заявленного к нему требования). Фактически Конвенция наделяет международное медиативное соглашение дополнительной юридической силой: сторона получает возможность ссылаться на него как на самостоятельное основание, препятствующее повторному рассмотрению уже урегулированного спора¹³.
43. В результате международное медиативное соглашение приобретает эффект, функционально сближающий его с решением юрисдикционного органа. Конвенция исходит из того, что вопросы, урегулированные соглашением, не должны становиться предметом нового разбирательства. Это отвечает законным ожиданиям стороны, которая, принимая на себя обязательства по соглашению (например, выплачивая отступное), рассчитывала окончательно урегулировать спор и исключить риск его последующего возобновления. Именно это обстоятельство составляет одно из ключевых практических преимуществ Конвенции.

---

¹² Alexander, N., Chong, S. and Giorgadze, V. The Singapore Convention on Mediation: A Commentary, Second Edition. P. 124-135.

¹³ Гайдаенко-Шер, Н. И. Сингапурская конвенция о медиации. Постатейный комментарий. С. 45.

44. В данном контексте содержание (текст) международного мирового соглашения будет иметь особое значение. Сторонам следует чётко определить в тексте, какие вопросы (споры) должны быть им урегулированы (например, какие именно права требования и обязательства оно прекращает)¹⁴.
45. Таким образом, Сингапурская конвенция предоставляет стороне международного медиативного соглашения возможность полагаться на него для одной из двух целей:
- чтобы привести его в исполнение, например, обязать другую сторону уплатить обещанное; или
  - чтобы признать его и защититься от искового требования, которое было урегулировано в соглашении.
46. При этом ни ст. 3 Конвенции, ни другие её положения не предусматривают конкретных правил процедуры для компетентных органов государств – участников Конвенции, связанных непосредственно с процессом предоставления помощи в связи с признанием и приведением в исполнение международного медиативного соглашения. Конвенция не предусматривает и обязательства для государств-участников принять такие правила в национальном регулировании. Поэтому их принятие остаётся на усмотрение каждого конкретного государства (например, государство-участник может предусмотреть, что требования, удостоверенные международным медиативным соглашением, рассматриваются в упрощённом или ином особом производстве, что медиативное соглашение является исполнительным документом и т. п.)¹⁵.
47. Важно, однако, что условия для предоставления помощи в связи с международным медиативным соглашением, а также основания для отказа в её предоставлении единообразно установлены Конвенцией (ст. 4 и 5 соответственно) (пп. 48-68 ниже). Аналогичный подход закреплён, например, в Нью-Йоркской конвенции 1958 года: в отношении признания и приведения в исполнение иностранных арбитражных решений процедура оставлена на усмотрение государств-участников, тогда как основания отказа единообразны.

4. Условия предоставления помощи по Сингапурской конвенции

48. Статья 4 Конвенции устанавливает единообразные формальные требования, которые должна соблюсти сторона международного медиативного соглашения, обращаясь к компетентному органу государства-участника за предоставлением помощи по Сингапурской конвенции.
49. В частности, сторона, полагающаяся на такое соглашение, обязана предоставить компетентному органу, в котором испрашивается помощь:
- само медиативное соглашение, подписанное сторонами;
  - доказательство того, что соглашение было достигнуто в результате медиации (например, подпись медиатора на соглашении, документ за подписью медиатора с указанием того, что медиация имела место, подтверждение, выданное учреждением, которое администрировало медиацию, или любое другое доказательство, приемлемое для компетентного органа) (п. 1 ст. 4).

---

¹⁴ Гайдаенко-Шер, Н. И. Сингапурская конвенция о медиации. Постатейный комментарий. С. 45.

¹⁵ Там же. С. 46.

50. Для решения вопроса о возможности предоставления запрашиваемой помощи компетентный орган также вправе требовать перевод составленного на иностранном языке международного медиативного соглашения (п. 3 ст. 4). Кроме того, компетентный орган может запросить любой иной необходимый документ с целью проверки выполнения предусмотренных Конвенцией требований (п. 4 ст. 4).
51. При этом компетентный орган вправе запросить дополнительные документы с целью проверки не только требований, предусмотренных п. 1 ст. 4 Конвенции (наличие подписанного сторонами мирового соглашения и факт проведения медиации), но и других требований и обстоятельств, которые являются основанием применения Конвенции (например, требований относительно места нахождения предприятий сторон, содержания соглашения, соблюдения правил проведения процедуры медиации, а также отсутствия иных предусмотренных ст. 5 Конвенции оснований для отказа в предоставлении помощи)¹⁶.
52. Как отмечено выше (п. 46), принятие правил процедуры для предоставления помощи в связи с международным медиативным соглашением (в связи с его приведением в исполнение или признанием) оставлено Конвенцией на усмотрение государств-участников. Однако установлено, что в любом случае при рассмотрении просьбы о предоставлении такой помощи компетентный орган должен действовать оперативно (п. 5 ст. 4). При этом «оперативность» будет определяться в привязке к срокам рассмотрения заявлений, предусмотренным процессуальным законодательством государства компетентного органа, где запрашивается помощь¹⁷. Соответственно, от компетентного органа ожидается, что он будет действовать без задержек относительно сроков, установленных законодательством страны органа¹⁸.

5. Основания для отказа в предоставлении помощи по Сингапурской конвенции

53. В ст. 5 Конвенции закреплён исчерпывающий перечень оснований для отказа в предоставлении помощи стороне медиативного соглашения. Их можно разделить на две категории:
- i. применимые только в случае ссылки на них стороны, возражающей против признания или приведения в исполнение медиативного соглашения (п. 1 ст. 5) (пп. 56-67 ниже);
  - ii. те, что компетентный орган государства-участника, в котором испрашивается такое признание или приведение в исполнение, может применить самостоятельно по собственной инициативе (п. 2 ст. 5) (п. 68 ниже).

---

¹⁶ Там же. С. 64.

¹⁷ Там же. С. 64-65.

¹⁸ Например, по Гражданскому процессуальному кодексу Грузии, в который были внесены изменения с целью имплементации Сингапурской конвенции, компетентным органом для рассмотрения обращений за предоставлением помощи стороной медиативного соглашения является Верховный Суд. Он обязан проверить полноту состава документов, предусмотренных ст. 4 Конвенции, в течение пяти дней после их представления. Если комплект документов не полон, суд предоставляет заявителю разумный срок для его восполнения. Если комплект полон, то суд в течение пяти дней направляет его стороне, против которой испрошено признание или приведение в исполнение. Ей даётся пять дней на представление возражений, предусмотренных ст. 5 Конвенции. Затем суд выносит решение по данному заявлению в течение тридцати (30) дней после получения таких возражений, если они были представлены. Если суд сочтёт нужным, он проводит устное слушание. Решение суда не может быть обжаловано. См. Alexander, N., Chong, S. and Giorgadze, V. The Singapore Convention on Mediation: A Commentary, Second Edition. P. 153.

54. Сингапурская конвенция не обязывает компетентный орган государства-участника отказывать стороне медиативного соглашения в предоставлении помощи, а наделяет его дискреционными полномочиями решать этот вопрос. В частности, согласно ст. 5 Конвенции, когда сторона, против которой испрашивается помощь, доказала наличие основания для отказа в предоставлении другой стороне такой помощи, то компетентный орган не «должен» (“shall”), а «может» (“may”) отказать последней в этом. Соответствующая дискреция остаётся у суда, как в случае оснований, о которых может заявить возражающая сторона, так и тех, которые применяются компетентным органом государства-участника по своей инициативе¹⁹.
55. В отношении оснований для отказа в предоставлении помощи следует в целом отметить, что составители текста Сингапурской конвенции стремились к тому, чтобы такие основания «были немногочисленными и необременительными и позволяли компетентному органу легко и быстро определять, есть ли основания для отказа в возражениях или их нет», тем самым стремясь обеспечить «правовую определённость и единообразное ограничительное толкование этих оснований в разных государствах-участниках»²⁰.
56. Что касается **оснований для отказа, рассматриваемых компетентным органом по просьбе стороны, против которой испрашивается помощь**, то в предоставлении помощи может быть отказано, если будут представлены доказательства того, что сторона мирового соглашения была в какой-либо мере недееспособна (п. 1(a) ст. 5).
57. Кроме того, в предоставлении помощи может быть отказано по просьбе стороны, против которой испрашивается помощь, если эта сторона представит доказательства того, что международное медиативное соглашение является ничтожным, утратило силу, не может быть исполнено по применимому к нему праву, не имеет обязательной силы или не является окончательным согласно его условиям либо было впоследствии изменено (п. 1(b) ст. 5).
58. В отношении ничтожности международного медиативного соглашения как основания для отказа в его признании или приведении в исполнение, в частности, следует отметить следующее. Хотя оно применимо при условии, если это докажет заинтересованная сторона, представляется, что, если компетентный орган, в котором испрашивается помощь, сам установит ничтожность медиативного соглашения, он сможет отказать в его признании или приведении в исполнение в силу противоречия публичному порядку в соответствии с п. 2(a) ст. 5 Конвенции.
59. Также заслуживает внимания вопрос о том, какое последствие для признания или приведения в исполнение медиативного соглашения влечёт тот факт, что не все, а только некоторые его положения недействительны, утратили силу или не могут быть исполнены. Конвенция или её подготовительные материалы не дают ответа на этот вопрос. По всей видимости, ответ предстоит выяснить в процессе последующей имплементации Конвенции; вероятно, компетентные органы будут руководствоваться применимым к соответствующим вопросам правом.
60. В контексте применения перечисленных выше оснований для отказа в предоставлении помощи также возникает вопрос о том, по праву какой страны компетентным органом должна оцениваться юридическая сила, действительность и исполнимость международного медиативного соглашения:

---

¹⁹ Хотя можно предположить, что, например, в случае если компетентный орган установит противоречие публичному порядку, то он должен будет отказать в предоставлении помощи в силу своего национального законодательства.

²⁰ Гайдаенко-Шер, Н. И. Сингапурская конвенция о медиации. Постатейный комментарий. С. 70.

- из п. 1(b)(i) ст. 5 Конвенции следует, что такая оценка проводится по праву, которому стороны соглашения правомерно его подчинили, т. е. исходя из принципа автономии воли сторон, который лежит и в основе коллизионных норм Российской Федерации (см. ст. 1210 ГК РФ);
  - если же стороны соглашения не избрали применимое право, то из п. 1(b)(i) ст. 5 Конвенции следует, что к соглашению применяется закон, который сочтёт применимым компетентный орган государства – участника Конвенции, в котором испрашивается помощь²¹.
61. Применимое к международному медиативному соглашению право имеет значение в том числе потому, что от него во многом зависят средства правовой защиты в случае его неисполнения. Например, если применимо право государства, которое относится к континентально-правовой традиции, то наиболее характерным средством правовой защиты является исполнение договора в натуре, когда он содержит обязанность совершить какие-либо действия, например, передать имущество. В странах традиции общего права основное средство правовой защиты состоит в возмещении убытков. Это распространяется и на медиативные соглашения как разновидность мировых сделок²².
62. Другим основанием для отказа в предоставлении стороне помощи в признании или приведении в исполнение международного медиативного соглашения является отсутствие у него обязательной силы (п. 1(b)(ii) ст. 5 Конвенции). Представляется, что в первую очередь имеются в виду случаи, когда стороны не имели намерения заключить юридически обязывающее соглашение, а например, подписали меморандум о взаимопонимании или соглашение о принесении извинений. Иными словами, в медиативном соглашении могут содержаться обязательства, которые по своей природе не обеспечиваются юридической силой и не могут быть обеспечены силой государственного принуждения. К ним механизм Конвенции не применим.
63. Ещё одним основанием для отказа в предоставлении помощи по Сингапурской конвенции по просьбе заинтересованной стороны является то, что закреплённые в международном медиативном соглашении обязательства «неясны или непонятны» (п. 1(c) ст. 5). Такое прямое указание подчёркивает высокие требования к ясности содержания соглашения. В то же время сам по себе факт различного толкования сторонами условий медиативного соглашения не должен влечь отказа в его приведении в исполнение или в праве полагаться на него. Практически во всех правовых системах имеются правила толкования неясных условий договоров. Так, в Гражданском кодексе Российской Федерации этому специально посвящена ст. 431 («Толкование договора»). Поэтому отказ в предоставлении помощи по признанию или приведению в исполнение международного медиативного соглашения по мотиву неясности его условий допустим только тогда, когда ни один из способов его толкования не позволил установить его содержание.
64. Кроме того, основанием для отказа в предоставлении помощи по Конвенции может также являться тот факт, что «предоставление помощи будет противоречить условиям

---

²¹ Представляется, что российский суд в такой ситуации применял бы к международному медиативному соглашению право, применимое к существу спорных отношений, которые данное соглашение урегулирует. Например, если спор возник из договора купли-продажи, то право, применимое к такому договору. Если же спор имеет комплексный характер, например, касается двух различных видов договоров, то суд применил бы право, с которым правоотношения сторон имеют наиболее тесную связь. См. в этой связи Давыденко, Д. Л. (2023). Право, применимое к международным мировым сделкам (мировым соглашениям). В С. Е. Чебуранова (гл. ред.), *Инновационный потенциал развития юридической науки и практики в современном мире: Сборник научных статей*. ГрГУ им. Янки Купалы. С. 330-334.

²² Давыденко, Д. Л. Обеспечение исполнения мировых сделок в международной практике. (2022). В О. А. Бакиновская, М. В. Мещанова (ред.), *Теоретико-прикладные аспекты развития гражданского законодательства Республики Беларусь под влиянием цифровизации: Сборник научных статей* (с. 243). Колорград. С. 243.

[международного медиативного] соглашения» (п. 1(d) ст. 5). В ходе работы над данным положением было подтверждено, что формулировка «предоставление помощи будет противоречить условиям [международного медиативного] соглашения» подлежит широкому толкованию и включает ситуации, когда закреплённые в соглашении обязательства будут условными или взаимными и их неисполнение может быть оправдано различными причинами. В докладе Рабочей группы II ЮНСИТРАЛ отмечалось, что данный подпункт предназначен в том числе для учёта использования сторонами международных медиативных соглашений сложных договорных конструкций и охватывает целый ряд различных фактических обстоятельств, в том числе когда закреплённые в соглашении обязательства стороны, против которой испрашивается помощь, не могут быть исполнены независимо от других частей соглашения или ещё не возникли²³.

65. Помимо уже указанных оснований, по просьбе стороны, против которой испрашивается помощь, в предоставлении помощи может быть отказано также в том случае, если эта сторона представит доказательства того, что имело место серьёзное нарушение медиатором стандартов, применимых к медиатору или медиации, поскольку без такого нарушения эта сторона не заключила бы медиативного соглашения (п. 1(e) ст. 5).
66. Обращаясь к российскому праву, следует отметить, что Закон о медиации также закрепляет определённые стандарты, применимые к медиаторам и медиации. Например, в п. 6 ст. 15 Закона о медиации установлено, что медиатор не вправе оказывать какой-либо стороне юридическую, консультационную или иную помощь. Нарушение этого правила может стать основанием для отказа в приведении медиативного соглашения в исполнение. Однако для такого отказа стороне нужно доказать причинную связь между нарушением и заключением ею медиативного соглашения на данных условиях. Доказывание такой причинной связи между нарушением применимых правил и наступлением неблагоприятных последствий известно и российскому праву. В частности, Верховный Суд Российской Федерации в п. 5 Постановления Пленума от 24 марта 2016 года № 7 указал, что:

«При установлении причинной связи между нарушением обязательства и убытками необходимо учитывать, в частности, то, к каким последствиям в обычных условиях гражданского оборота могло привести подобное нарушение. Если возникновение убытков, возмещения которых требует кредитор, является обычным последствием допущенного должником нарушения обязательства, то наличие причинной связи между нарушением и доказанными кредитором убытками предполагается».

67. То же касается и другого основания для отказа в приведении в исполнение медиативного соглашения, когда медиатор не раскрыл сторонам обстоятельства, которые вызывают обоснованные сомнения в его беспристрастности или независимости, и такое нераскрытие оказало существенное воздействие или ненадлежащее влияние на одну из сторон, поскольку без этого нераскрытия сторона не заключила бы мирового соглашения (п. 1(f) ст. 5 Конвенции). В России стандарты независимости и беспристрастности медиатора, в том числе требования к раскрытию обстоятельств, вызывающих обоснованные сомнения в его беспристрастности или независимости, не установлены. При этом ч. 6 ст. 15 Закона о медиации предусматривает ряд запретов для медиаторов, связанных с их независимостью и беспристрастностью. Согласно этому положению, медиатор не вправе быть представителем какой-либо стороны, оказывать стороне юридическую, консультационную или иную помощь, а также осуществлять деятельность медиатора, если он лично (прямо

---

²³ ЮНСИТРАЛ. Доклад Рабочей группы II (Урегулирование споров) о работе её шестьдесят восьмой сессии (Нью-Йорк, 5-9 февраля 2018 года). A/CN.9/934. С. 11, пп. 54-58.

или косвенно) заинтересован в результате медиации, в том числе состоит с одной из сторон в родственных отношениях.

68. **Основания для отказа в предоставлении помощи, которые компетентный орган государства-участника, где такая помощь испрашивается, вправе применить по собственной инициативе и независимо от заявления об этом стороны,** касаются ситуаций, когда компетентный орган сочтёт, что
- предоставление помощи будет противоречить публичному порядку соответствующего государства-участника (п. 2(a) ст. 5);
  - предмет спора не может быть объектом урегулирования посредством медиации в соответствии с законодательством соответствующего государства-участника (немедиабельность предмета спора) (п. 2(b) ст. 5).
69. Следует отметить, что Конвенция не содержит правил об информации, относящейся к процедуре медиации. Фактически обращение в суд за приведением в исполнение медиативного соглашения или ссылка на него с целью защиты от искового требования является неизбежным исключением из общего принципа конфиденциальности такой информации (подобно тому как конфиденциальность арбитража не может препятствовать направлению в суд арбитражного решения для целей его приведения в исполнение). В Законе о медиации этот принцип также не абсолютен и ограничивается случаями, предусмотренными законом, и соглашением сторон (ст. 5 Закона о медиации).

6. Параллельные заявления или требования

70. Сингапурская конвенция также предусматривает дополнительный механизм защиты сторон международного медиативного соглашения на случай параллельных заявлений или требований. Статья 6 Конвенции, в частности, устанавливает, что:
- «Если в суд, арбитраж или любой другой компетентный орган было подано заявление или требование, которое касается мирового соглашения и которое может затронуть помощь, испрашиваемую согласно статье 4, то компетентный орган Участника Конвенции, в котором испрашивается помощь, может, если сочтёт это уместным, отложить вынесение этого решения и может также по просьбе одной стороны предписать другой стороне предоставить надлежащее обеспечение».
71. В докладе Рабочей группы II ЮНСИТРАЛ отмечается, что речь идёт о трёх категориях заявлений или требований: о содержании медиативного соглашения, о его аннулировании, а также о параллельных процедурах приведения в исполнение в нескольких юрисдикциях²⁴.
72. Таким образом, при рассмотрении заявления о признании или приведении в исполнение медиативного соглашения суд вправе (но не обязан) учесть наличие уже рассматриваемого в ином, в том числе иностранном суде, государственном или третейском, дела (*lis pendens*), выводы по которому могут иметь значение для текущего дела.

---

²⁴ ЮНСИТРАЛ. Доклад Рабочей группы II (Урегулирование споров) о работе её шестьдесят пятой сессии (Вена, 12-23 сентября 2016 года). A/CN.9/896, п. 124.

7. Соотношение с Сингапурской конвенцией другого законодательства и международных договоров

73. Как отмечается, Сингапурская конвенция направлена на поощрение предоставления помощи в соответствии с ней в максимально возможном числе случаев²⁵. В этой связи Конвенция позволяет по усмотрению сторон международного медиативного соглашения применять иные международные договоры и внутреннее законодательство государства-участника, в котором испрашивается помощь, если такие другие договоры или законодательство предусматривают более благоприятный режим по сравнению с тем, что предусмотрен в Конвенции (ст. 7).
74. Соответственно, смысл данного положения заключается в том, чтобы, во-первых, оставить возможность для сторон международного медиативного соглашения привести его в исполнение с помощью любых средств правовой и судебной защиты, будь то на основании национального или международного права. Например, если международное медиативное соглашение с согласия сторон удостоверено российским нотариусом, то оно имеет силу исполнительного документа (ч. 5 ст. 12 Закона о медиации). В этом случае оно также подлежит приведению в исполнение в государствах – участниках Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (заключена в г. Кишинёве 07.10.2002), в части денежных обязательств в силу п. 1(а) ст. 54 и на условиях, установленных ст. 59 данной конвенции.
75. Во-вторых, смысл ст. 7 Сингапурской конвенции состоит также в том, чтобы дать государствам возможность заключить отдельные соглашения (например, в рамках надгосударственных или региональных международных организаций, таких как Европейский союз или Содружество Независимых Государств) или принять внутреннее законодательство, позволяющее создать режим для исполнения медиативных соглашений, более благоприятный по сравнению с установленным Конвенцией²⁶.

8. Оговорки

76. Сингапурская конвенция предусматривает возможность для государств-участников формулировать оговорки к сфере применения Конвенции (ст. 8).
77. При этом никакие оговорки, за исключением тех, которые прямо разрешены Конвенцией, не допускаются (п. 2 ст. 8). В том числе, например, Конвенция не предусматривает возможность для её государств-участников делать оговорку о том, что признание и приведение в исполнение международного медиативного соглашения может быть обусловлено тем, является ли участником Сингапурской конвенции другое государство (например, государство, в котором заключено международное медиативное соглашение, или государство происхождения сторон соглашения)²⁷. Иными словами, государства –

---

²⁵ Информационная брошюра «Конвенция Организации Объединённых Наций о международных мировых соглашениях, достигнутых в результате медиации (“Сингапурская конвенция о медиации”)». С. 3.

²⁶ Гайдаенко-Шер, Н. И. Сингапурская конвенция о медиации. Постатейный комментарий. С. 94-96.

²⁷ Соответствующая возможность предусмотрена, например, Нью-Йоркской конвенцией 1958 года, в п. 3 ст. 1 которой установлено, что «[п]ри подписании, ратификации или присоединении к настоящей Конвенции ..., любое государство может на основе взаимности заявить, что оно будет применять настоящую Конвенцию в отношении признания и приведения в исполнение арбитражных решений, вынесенных только на территории другого Договаривающегося Государства».

участники Конвенции не вправе обусловить признание и приведение в исполнение международного медиативного соглашения соблюдением взаимности²⁸.

78. Государство-участник может исключить из применения Конвенции те международные медиативные соглашения, стороной которых является само государство-участник, любые правительственные учреждения или лица, действующие от их имени, в той степени, как это указано в заявлении (п. 1(а) ст. 8). При этом в силу отсутствия в Конвенции принципа взаимности оговорка не влияет на исполнение медиативного соглашения против государства-участника, сделавшего оговорку, в другом государстве-участнике.
79. Вопрос об особенностях медиативных соглашений с участием публичных субъектов обсуждался в ходе подготовки текста Сингапурской конвенции Рабочей группой II ЮНСИТРАЛ. Рабочая группа II подтвердила понимание, согласно которому Конвенция не будет влиять на аспекты международного публичного права, связанные с ответственностью государств или их иммунитетом, или затрагивать их²⁹.
80. Конвенция не регулирует вопрос об иммунитете государства применительно к приведению в исполнение медиативных соглашений против государства, его правительственного учреждения или лица, действующего от его имени. Вопрос о том, насколько применим иммунитет государства в такого рода делах, в частности на какое имущество государства может быть обращено взыскание в результате приведения в исполнение медиативного соглашения, регулируется законодательством об иммунитете иностранного государства и его собственности³⁰. В частности, в России он регулируется Федеральным законом от 03.11.2015 № 297-ФЗ «О юрисдикционных иммунитетах иностранного государства и имущества иностранного государства в Российской Федерации».
81. Государство – участник Сингапурской конвенции может также заявить о том, что оно применяет Конвенцию только в той степени, в какой стороны конкретного медиативного соглашения согласились на применение Конвенции (п. 1(b) ст. 8). Соответствующая оговорка подразумевает, что сделавшее её государство-участник будет предоставлять помощь по Конвенции только в том случае, если стороны международного медиативного соглашения прямо указали в нём на применение к нему Конвенции – так называемый механизм “opt-in”³¹.
82. В данном контексте особого внимания заслуживает вопрос о том, вправе ли сторона обращаться к механизму Сингапурской конвенции, если в международном медиативном соглашении наоборот прямо указано, что стороны исключают применение к нему Конвенции.

---

²⁸ Во время обсуждений в Рабочей группе II ЮНСИТРАЛ предложение о включении в проект Конвенции положения оговорки о взаимности по аналогии с положением, содержащимся в статье I(3) Нью-Йоркской конвенции, поддержки не получило. Отмечалось, в частности, что «если государство [с]делает оговорку о взаимности ..., то стороны не будут уверены в том, будет ли конвенция применима, поскольку не всегда возможно определить страну происхождения мирового соглашения», см. ЮНСИТРАЛ. Доклад Рабочей группы II (Урегулирование споров) о работе её шестьдесят восьмой сессии (Нью-Йорк, 5-9 февраля 2018 года). A/CN.9/934. С. 15, пп. 81-85. [URL](#)

²⁹ ЮНСИТРАЛ. Доклад Рабочей группы II (Урегулирование споров) о работе её шестьдесят пятой сессии (Вена, 12-23 сентября 2016 года). A/CN.9/896. С. 14, п. 61. [URL](#)

³⁰ Alexander, N., Chong, S. and Giorgadze, V. The Singapore Convention on Mediation: A Commentary, Second Edition. P. 1; Гайдаенко-Шер, Н. И. Сингапурская конвенция о медиации. Постатейный комментарий. С. 101-102, 265.

³¹ См. об этом Гайдаенко-Шер, Н. И. Сингапурская конвенция о медиации. Постатейный комментарий. С. 103-105; Alexander, N., Chong, S. and Giorgadze, V. The Singapore Convention on Mediation: A Commentary, Second Edition. P. 267-269.

83. Конвенция не содержит положений о праве сторон международного медиативного соглашения прямо исключить применение Конвенции, отступить от некоторых её положений или изменить её действие³². Вместе с тем члены Рабочей группы II ЮНСИТРАЛ в ходе работы над Сингапурской конвенцией исходили из того, что «даже без наличия чётко сформулированного положения в ... [К]онвенции стороны [международного медиативного] соглашения будут иметь возможность исключать применение ... [К]онвенции»³³. Также предполагалось, что соглашение сторон об исключении применения Конвенции будет учитываться компетентным органом государства – участника Конвенции. Если одна из сторон будет испрашивать помощь на основании медиативного соглашения, содержащего соответствующее положение, ей должно быть отказано, поскольку это противоречило бы условиям соглашения, что предусмотрено п. 1(d) ст. 5 Конвенции (**п. 64 выше**).
84. Таким образом, представляется, что при наличии согласия сторон об исключении применения Конвенции к их медиативному соглашению государство-участник будет не вправе приводить в исполнение или признавать такое соглашение на основании Конвенции. В то же время это не мешает ему признать или привести в исполнение соглашение на иных основаниях, в том числе на основании своего внутреннего законодательства.

---

³² Например, в соответствии с Конвенцией ООН о международной купле-продаже товаров 1980 года (ст. 6) стороны договора купли-продажи вправе «исключить применение [соответствующей] Конвенции либо, при условии соблюдения статьи 12 [данной Конвенции], отступить от любого из её положений или изменить его действие».

³³ ЮНСИТРАЛ. Доклад Рабочей группы II (Урегулирование споров) о работе её шестьдесят восьмой сессии (Нью-Йорк, 5-9 февраля 2018 года). A/CN.9/934. С. 15, п. 78.

II. Обзор практики реализации и имплементации Сингапурской конвенции в иностранных юрисдикциях

85. В настоящий момент 60 государств подписали Сингапурскую конвенцию, 22 государства участвуют в ней. Из числа участвующих в Конвенции государств девять, включая Бразилию, Грузию, Израиль, Пакистан, Республику Беларусь, Республику Казахстан, Республику Кыргызстан, Саудовскую Аравию и Японию, сделали оговорки в соответствии со ст. 8. Иран, так и не ратифицировавший на сегодняшний день Конвенцию, при её подписании сделал заявление с целью отразить своё понимание отдельных положений Конвенции.
86. Шесть государств, включая Бразилию, Грузию, Пакистан, Беларусь, Казахстан и Саудовскую Аравию, сделали оговорку об исключении из сферы применения Сингапурской конвенции медиативных соглашений, сторонами которых являются сами государства, их органы или лица, действующие от имени государственных органов (оговорка по п. 1 ст. 8) (см. **пп. 78-80 выше**).
87. Также шесть государств, включая Грузию, Израиль, Пакистан, Казахстан, Кыргызстан и Японию, сделали оговорку о том, что Конвенция будет применяться только в той мере, в какой стороны медиативного соглашения согласились с применением Конвенции (оговорка по п. 1(b) ст. 8) (см. **пп. 81-84 выше**).
88. В настоящее время доступная информация о практике реализации положений Сингапурской конвенции и о соответствующей правоприменительной практике в её государствах-участниках практически отсутствует. Вероятно, это связано с тем, что с момента вступления Конвенции в силу, в том числе для государств, ставших её участниками, прошло незначительное время. Кроме того, урегулирование споров в порядке медиации не является массовой практикой, а необходимость в приведении в исполнение медиативных соглашений возникает редко. Как правило, они исполняются добровольно, поскольку стороны в ходе процедуры медиации уясняют свои интересы и возможные альтернативы соглашению и обычно итоговое соглашение отвечает этим интересам.
89. Что касается имплементации Конвенции её государствами-участниками, т. е. создания государствами правового механизма для содействия на своей территории признанию и приведению в исполнение международных медиативных соглашений, при подготовке настоящего обзора был изучен опыт тех государств, которые уже участвуют в Конвенции и чья практика может представлять интерес для России, в том числе ввиду наличия или актуальности укрепления экономических отношений и интереса к упрощению процедур урегулирования споров с субъектами предпринимательской деятельности из соответствующих государств: Бахрейн, Бразилия, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан и Сингапур.
90. Обзор зарубежного опыта подтвердил гипотезу о том, что широкое распространение практики медиации в той или иной юрисдикции не является значимой предпосылкой для присоединения к Конвенции. Государства, где медиация практикуется редко, также участвуют в ней. Например, в Беларуси, по данным её Министерства юстиции, на одного медиатора в среднем приходится всего одно медиативное соглашение в год; ежегодно регистрируются около 1500 медиативных соглашений³⁴.

---

³⁴ Коваленко: порядка 1,4 тысячи медиаторов работают в Беларуси. (15 декабря 2025). *Sputnik Беларусь*. [URL](#)

91. Конвенция учитывает разные уровни опыта в использовании медиации в различных юрисдикционных системах и предоставляет государствам согласованные стандарты для трансграничного приведения в исполнение международных мировых соглашений³⁵. Следовательно, отсутствие обширной практики применения медиации, в том числе в России, не является значимым фактором при принятии решения о присоединении к Конвенции.
92. Все рассмотренные государства оценивают присоединение к Сингапурской конвенции как важный шаг к укреплению культуры и практики мирного урегулирования споров в долгосрочной перспективе. Каждое из таких государств укрепляет правовую базу для этого. Вместе с тем Конвенция не требует значительных изменений в законодательстве; в основном речь идёт о дополнении процессуального законодательства положениями о порядке рассмотрения заявлений о приведении в исполнение медиативных соглашений.
93. Государства-участники принимают различные меры для её имплементации. Из рассмотренных государств во внутреннем законодательстве подробное регулирование для имплементации Конвенции принято в Сингапуре и в Беларуси.
94. Для Сингапура Конвенция вступила в силу 12 сентября 2020 года. В тот же день в Сингапуре вступил в силу Закон о Сингапурской конвенции о медиации 2020 года³⁶, принятый специально с целью имплементации Конвенции и, соответственно, посвящённый исключительно вопросам признания и приведения в исполнение международных медиативных соглашений.
95. Центральное положение Закона о Сингапурской конвенции о медиации 2020 года содержится в ст. 4. В соответствии с ним сторона международного медиативного соглашения, во-первых, вправе обратиться в Высокий суд Сингапура с заявлением о регистрации такого соглашения в качестве судебного постановления. Такая регистрация может быть необходима либо для принудительного исполнения соглашения в Сингапуре, либо для того, чтобы сослаться на него в судебном разбирательстве в Сингапуре как на доказательство того, что соответствующий спорный вопрос уже был урегулирован данным соглашением.
96. Во-вторых, если в Высоком суде Сингапура – как в суде первой или апелляционной инстанции – либо в Апелляционном суде Сингапура уже рассматривается дело с участием стороны международного медиативного соглашения, и это дело касается вопроса, который, по утверждению такой стороны, уже был разрешён соглашением, такая сторона может обратиться в соответствующий суд с заявлением о том, чтобы сослаться на это соглашение в данном процессе и подтвердить, что спорный вопрос уже урегулирован.
97. При этом Закон о Сингапурской конвенции о медиации 2020 года не ограничивает и не исключает иные права или средства правовой защиты стороны международного медиативного соглашения, которые существуют или могут возникнуть независимо от данного Закона.
98. Закон о Сингапурской конвенции о медиации 2020 года также закрепляет процессуальные положения относительно:

---

³⁵ Абзац 6 Преамбулы к Конвенции.

³⁶ Singapore Convention on Mediation Act 2020. Singapore Statutes Online. [URL](#)

- порядка подачи заявления о регистрации международного медиативного соглашения в качестве судебного постановления или об обращении к такому соглашению в уже начатом судебном производстве;
  - требований к документам, подтверждающим заключение соглашения в результате медиации;
  - оснований для отказа в предоставлении соответствующей правовой защиты, а также
  - последствий наличия параллельного заявления или требования, связанного с тем же международным медиативным соглашением, в суде любого государства, арбитраже или ином компетентном органе.
99. В этой части Закон в значительной степени воспроизводит аналогичные положения Сингапурской конвенции, адаптируя их под внутреннее законодательство.
100. Следует также отметить, что процессуальный порядок реализации Закона о Сингапурской конвенции о медиации 2020 года детализирован в Правилах Верховного суда Сингапура (о Сингапурской конвенции о медиации) 2020 года³⁷. Данные Правила, в частности, устанавливают процедуру рассмотрения заявлений, подаваемых на основании ст. 4 Закона: о регистрации международного медиативного соглашения в качестве судебного постановления либо об обращении к такому соглашению в уже начатом судебном производстве.
101. Отдельного внимания заслуживает и опыт Беларуси, особенно (1) с учётом того, что её правовая система и правовая культура наиболее близки к российским, а также (2) ввиду её системного подхода к имплементации Конвенции.
102. Для Беларуси Сингапурская конвенция вступила в силу 15 января 2021 года.
103. Министерство юстиции Республики Беларусь отметило следующие преимущества от присоединения: (1) на международном уровне заключение и применение Конвенции означает повышение конкуренции между основными процедурами разрешения споров; (2) для субъектов хозяйствования появляется возможность принудительного исполнения международного медиативного соглашения в государствах – участниках Конвенции в порядке, определённом Конвенцией³⁸.
104. Республика Беларусь системно подошла к имплементации Конвенции в свою национальную правовую систему. Закон Республики Беларусь от 6 января 2021 года № 89-З «Об изменении законов по вопросам медиации» предусмотрел корректировку законодательства для реализации положений Конвенции. В этих целях в Закон Республики Беларусь от 12 июля 2013 года № 58-З «О медиации» было введено определение «международного медиативного соглашения» и установлена процедура его заключения. Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь был также дополнен правовыми нормами о признании и приведении в исполнение международных медиативных соглашений, об отказе в предоставлении правовой помощи по данной категории дел, а также об обеспечении предмета международных медиативных соглашений.
105. С 1 января 2026 года вместо Хозяйственного и Гражданского процессуальных кодексов Республики Беларусь действует единый Кодекс гражданского судопроизводства, где

---

³⁷ Supreme Court of Judicature (Singapore Convention on Mediation) Rules 2020. Singapore Statutes Online. [URL](#)

³⁸ «Сингапурская конвенция о медиации и соответствующие изменения законодательства вступят в силу 15 января 2021 года». Министерство юстиции Республики Беларусь. [URL](#)

положения о международных медиативных соглашениях содержатся главным образом в главе 52 «Производство по делам о признании и приведении в исполнение международных медиативных соглашений».

106. Кроме того, Закон Республики Беларусь от 29 декабря 2020 года № 72-3 «Об изменении Налогового кодекса Республики Беларусь», который вступил в силу 15 января 2021 года одновременно с вступлением в силу Сингапурской конвенции для Беларуси, урегулировал правила об уплате государственной пошлины за рассмотрение судом дел в отношении международных медиативных соглашений, а также о принятии обеспечительных мер по ним.
107. До присоединения к Сингапурской конвенции в Республике Беларусь не существовало механизма приведения в исполнение международных медиативных соглашений, помимо обращения в суд в рамках искового производства. Более того, в белорусской юридической практике преобладал подход, согласно которому «белорусские медиативные соглашения исполняются только на территории Беларуси и, наоборот, иностранные медиативные соглашения не признаются в Республике Беларусь»³⁹. Участие в Конвенции помогло снять эту проблему: «Сингапурская конвенция позволяет признавать и исполнять на территории иностранного государства медиативные соглашения, и в целом её назначение аналогично более известной Нью-Йоркской конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений»⁴⁰. Таким образом, присоединение к Конвенции помогло создать рабочий механизм признания и приведения в исполнение внесудебных международных медиативных соглашений с ясными правилами и исчерпывающим перечнем оснований для отказа.

---

³⁹ REVERA Law Group. (n.d.). *Республика Беларусь ратифицировала Конвенцию о признании международных мировых соглашений*. [URL](#)

⁴⁰ Там же.

III. Регулирование вопросов приведения в исполнение международных медиативных соглашений в Российской Федерации

108. Поскольку к сфере применения Сингапурской конвенции не относятся мировые соглашения, заключённые в судебном порядке, а также медиативные соглашения, подтверждённые в порядке арбитража (третейского разбирательства), в рамках настоящего обзора будет рассмотрено российское законодательство, регулирующее только внесудебные медиативные соглашения⁴¹. Основным нормативным правовым актом, регулирующим такие соглашения в России, является Закон о медиации.
109. Закон о медиации не содержит термина «международные медиативные соглашения» в том виде, в котором они понимаются в Сингапурской конвенции (пп. 26, 32-36 выше). При этом он также не ограничивает предмет регулирования и сферу действия только внутренними медиативными соглашениями, а также не устанавливает ограничений на участие в медиации иностранных сторон. Принимая во внимание, что российское гражданское законодательство по умолчанию распространяется на иностранных физических и юридических лиц, если иное не установлено законом (абз. 4 п. 1 ст. 2 ГК РФ), можно заключить, что Закон о медиации применяется к медиативным соглашениям независимо от гражданства (места нахождения) сторон.
110. При этом внесудебные медиативные соглашения могут принудительно исполняться в России либо в общем порядке способами, предусмотренными гражданским законодательством о договорах (ч. 4 ст. 12 Закона о медиации), либо с помощью нотариального удостоверения медиативного соглашения (ч. 5 ст. 12 Закона о медиации).

9. Исковое производство

111. Первый способ представляет собой исковое производство, в рамках которого в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения медиативного соглашения сторона вправе требовать исполнения в натуре, возмещения убытков, взыскания неустойки или прибегнуть к иным допустимым способам защиты гражданских прав (ст. 12 ГК РФ). Требование предъявляется в суд в соответствии с общими положениями о подсудности; отдельной упрощённой или ускоренной процедуры для таких споров не предусмотрено.
112. У данного способа есть ряд существенных отличий от специальной (неисковой) процедуры приведения в исполнение, например процедуры принудительного исполнения арбитражных решений. Исковое производство, как правило, является более длительным, предполагает обмен сторонами требованиями и возражениями по существу спора, а также, если одна из сторон не будет удовлетворена вынесенным решением, – оспаривание судебного акта в апелляционной и кассационной инстанциях. Фактические обстоятельства дела будут устанавливаться судом заново, даже если в процессе медиации они уже обсуждались сторонами и медиатором. Кроме того, разбирательство по существу спора предполагает раскрытие значительного объёма информации о предшествующих спорах и

---

⁴¹ При этом условия признания и приведения в исполнение иностранных судебных медиативных соглашений аналогичны условиям приведения в исполнение иностранных судебных решений и разделяют присущие им ограничения. Об этом см., например, Давыденко, Д. Л. (2021). Унификация правового регулирования и практики в сфере трансграничного признания и приведения в исполнение медиативных соглашений. В Н. Г. Доронина, Н. И. Марышева (отв. ред.), *Кодификация международного частного права и проблемы международной унификации: Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, посвящённой памяти А. Л. Маковского*. Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; ИД «Юриспруденция». С. 111.

отношениях сторон в итоговом судебном акте, что не соотносится с конфиденциальностью медиации.

113. Иностранцы также могут предъявлять такие иски в общем порядке, с учётом положений процессуального законодательства о производстве с участием иностранных лиц (см., например, раздел V АПК РФ).

10. Нотариальное удостоверение медиативного соглашения

114. Второй способ – удостоверение медиативного соглашения нотариусом в соответствии со ст. 59.1 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате.
115. Медиативное соглашение удостоверяется при обязательном участии медиатора, при этом такой медиатор должен либо осуществлять деятельность на профессиональной основе, либо быть представителем организации, осуществляющей деятельность по проведению процедуры медиации. К медиаторам, осуществляющим деятельность на профессиональной основе, Закон о медиации устанавливает требование наличия не только высшего образования, но и дополнительного профессионального образования по вопросам применения процедуры медиации (ч. 1 ст. 16 Закона о медиации).
116. Результатом нотариального удостоверения медиативного соглашения является придание ему силы исполнительного документа, что делает этот способ принудительного исполнения наиболее эффективным и в целом исключает необходимость судебного разбирательства.
117. Несмотря на то, что формально этот способ может применяться к международным медиативным соглашениям и законодательство о нотариате не ограничивает сферу его применения только российскими лицами (**п. 109 выше**), на практике нотариальное удостоверение международных медиативных соглашений может быть затруднительно.
118. Во-первых, международные медиативные соглашения могут быть достигнуты с участием иностранных медиаторов, которые не проживают в России, а потому не могут присутствовать при удостоверении нотариусом медиативного соглашения. Кроме того, иностранные медиаторы также, вероятно, не будут соответствовать требованиям Закона о медиации, предъявляемым к медиаторам для возможности нотариального удостоверения медиативного соглашения (**п. 115 выше**). Вероятно, у иностранного медиатора не будет необходимого дополнительного профессионального образования⁴², и он не будет являться членом российской организации, осуществляющей деятельность по обеспечению проведения процедуры медиации.
119. Во-вторых, если предметом медиативного соглашения является урегулирование спора о неисполнении условий договора займа, связанных с возвратом денежных средств, нотариус обязан проверить, были ли денежные средства перечислены заёмщику, путём привлечения кредитной организации; причём запрос направляется через единую информационную систему нотариата. Кредитная организация представляет информацию о результатах проверки, подписанную усиленной квалифицированной электронной

---

⁴² Хотя Закон о медиации не содержит указания на то, что такое дополнительное профессиональное образование должно быть получено именно на территории Российской Федерации, такой вывод можно сделать при системном толковании требований к медиаторам (ст. 16 Закона о медиации) в сравнении с требованиями к арбитрам в России о высшем юридическом образовании, которые прямо упоминают возможность его подтверждения документами иностранных государств, признаваемыми на территории Российской Федерации (ч. 6 ст. 11 Федерального закона от 29.12.2015 № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации»). При этом вопрос признания дополнительного профессионального образования медиаторов, полученного за рубежом, требует отдельного рассмотрения и не охватывается настоящим обзором.

подписью. Описанный выше порядок не может быть реализован, если безналичные денежные переводы осуществлялись с участием иностранной кредитной организации.

120. С учётом этого, на практике вероятность нотариального удостоверения в отношении медиативных соглашений с участием иностранных лиц значительно ниже, чем в отношении внутренних медиативных соглашений. Кроме того, даже при отсутствии препятствий, описанных выше (пп. 118-119), ситуация, в которой российский нотариус не будет способен удостоверить нотариально медиативное соглашение с участием иностранного лица, достаточно вероятна.
121. Так, практика применения ст. 51.1 Основ законодательства о нотариате показывает, что данное положение может быть использовано в недобросовестных или даже незаконных целях, а именно для легализации доходов, полученных преступным путём, и для финансирования терроризма. Нотариусам рекомендуется проводить особо тщательную проверку заявленных сторонами обстоятельств и выяснять истинные мотивы сторон в ходе беседы⁴³. Наличие иностранной стороны может дополнительно усложнить для нотариуса проверку подозрительности медиативного соглашения и вызвать сомнения в возможности его удостоверения, даже если такое соглашение является полностью законным, а стороны – добросовестными.
122. Наконец, нотариальное удостоверение медиативного соглашения не упрощает процесс его принудительного исполнения вне Российской Федерации, что в случае международного медиативного соглашения ставит стороны в асимметричное положение: иностранная сторона может в упрощённом порядке признать медиативное соглашение против российской стороны в России, а российская сторона в другом государстве, вероятно, будет вынуждена обращаться в суд с иском, например, если это государство не присоединилось к Сингапурской конвенции.

11. Возможность признания нотариального удостоверения медиативного соглашения, осуществлённого иностранным нотариусом

123. Исходя из положений Закона о медиации и Основ законодательства о нотариате, касающихся нотариального удостоверения медиативного соглашения, можно предположить, что силу исполнительного документа медиативному соглашению придаёт удостоверение, совершённое российским нотариусом.
124. В то же время существующая в России детальная процедура нотариального удостоверения медиативных соглашений, включающая и оценку истинных намерений сторон, и проверку с участием кредитных организаций реальности платёжных операций, в целом не предполагает возможности автоматического признания иностранных нотариальных действий в отношении медиативных соглашений. Однако признание таких нотариальных актов может быть установлено не только внутренним законодательством, но также международными договорами.
125. На сегодняшний день международных договоров, позволяющих считать медиативное соглашение, удостоверенное иностранным нотариусом, исполнительным актом в России, нет. Существуют международные договоры, которые позволяют признавать иностранные нотариальные акты, однако и эти договоры, как представляется, не позволяют

---

⁴³ См., например: Зылевич, С. Ю. (2022). Нотариальное удостоверение медиативных соглашений. *Нотариальный вестник*, (2). С. 5-16; Информационное сообщение Росфинмониторинга «О повышении внимания медиаторов к заключению фиктивных сделок».

автоматически считать медиативное соглашение, удостоверенное иностранным нотариусом, исполнительным документом.

126. Одним из наиболее известных международных инструментов, в сферу которого попадают нотариальные акты, является Конвенция, отменяющая требование легализации иностранных официальных документов, 1961 года (**Конвенция об апостиле**). Согласно ей, апостиль подтверждает подлинность подписи, печати или штампа, которыми скреплён официальный документ, например, иностранный нотариальный акт. Таким образом, по смыслу Конвенции об апостиле, апостиль может только подтверждать статус иностранного лица в качестве нотариуса и подлинность его подписи, но не может подтверждать силу самого медиативного соглашения и тем более служить основанием для приведения в исполнение такого соглашения.
127. Россия участвует в некоторых международных договорах, которые предполагают признание и приведение в исполнение иностранных нотариальных актов в отношении денежных обязательств (см., например, ст. 51 Конвенции о правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам 1993 года (**Минская конвенция**) и ст. 54 Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 2002 года (**Кишинёвская конвенция**)). Минская и Кишинёвская конвенции позволяют признавать и приводить в исполнение нотариальные акты в отношении денежных обязательств (т. е., по-видимому, имеются в виду только исполнительные надписи нотариусов или аналогичные акты), вынесенные на территории других государств – участников соответствующей конвенции, в том же порядке, что и иностранные судебные решения. Учитывая, что в России нотариальное удостоверение медиативного соглашения и нотариальная надпись являются разными видами нотариальных действий и регулируются отдельными положениями, имеются сомнения в применимости Минской и Кишинёвской конвенций к медиативным соглашениям, удостоверенным нотариально⁴⁴.
128. Более того, сам факт существования иностранного законодательства, которое допускает придание медиативным соглашениям силы исполнительного листа посредством нотариального удостоверения, не означает, что такие медиативные соглашения подлежат исполнению за рубежом. В данном случае государство в лице нотариуса издаёт юрисдикционные акты, которые имеют национальный характер и потому не могут признаваться в других государствах автоматически. Иное толкование привело бы к абсурдному выводу о том, что любые иностранные правоприменительные органы вправе самостоятельно придавать своим актам исполнительную силу на территории государства места исполнения (например, в России) независимо от прохождения процедуры экзекватуры. Такой подход противоречил бы как целям российского законодательства об исполнительном производстве, так и, в конечном счёте, принципу государственного суверенитета.
129. В связи с этим медиативное соглашение, удостоверенное иностранным нотариусом, также рассматривается в России в качестве гражданско-правового договора и может принудительно исполняться только в порядке искового производства (**пп. 111-113 выше**).

---

⁴⁴ Давыденко Д.Л. Унификация правового регулирования и практики в сфере трансграничного признания и приведения в исполнение медиативных соглашений. С. 113.

IV. Юридические преимущества участия в Сингапурской конвенции для Российской Федерации

130. Потенциальное участие в Сингапурской конвенции может создать ряд юридических преимуществ для Российской Федерации и находящихся под её юрисдикцией субъектов международной торговли.

12. Упрощение порядка и определённость условий приведения в исполнение международных медиативных соглашений

131. Как показано выше (пп. 108-129), для защиты прав стороны внесудебного международного медиативного соглашения (независимо от места его заключения) ей потребуется инициировать исковое производство в суде России, что делает медиацию с российскими лицами для иностранных сторон менее привлекательной.
132. Исключением является удостоверение медиативного соглашения российским нотариусом, однако, как отмечено выше (пп. 108-129), это может быть непривлекательным для российской стороны: соглашение во многих случаях станет против неё напрямую принудительно исполнимо в России, а против другой стороны за рубежом (в том числе в государстве – участнике Сингапурской конвенции) – нет.
133. Имплементация Сингапурской конвенции в российское право создаст ясный и упрощённый (по сравнению с общими правилами об искомом производстве) механизм признания и приведения в исполнение международных медиативных соглашений в России.

13. Повышение уровня доверия к стабильности условий урегулирования споров, зафиксированных в медиативных соглашениях

134. Как отмечено выше (пп. 40-43), п. 2 ст. 3 Конвенции закрепляет право стороны международного медиативного соглашения ссылаться на такое соглашение для защиты от последующего предъявления другой стороной требований по вопросам, уже урегулированным этим соглашением. По смыслу указанного положения любой иск, предмет которого был урегулирован ранее заключённым международным медиативным соглашением (независимо от места его заключения и применимого права), не подлежит удовлетворению или даже рассмотрению судом государства – участника Конвенции, если соблюдены условия её ст. 4 и 5.
135. Участие в Конвенции защитило бы стороны международных медиативных соглашений от риска возобновления спора. Это повысило бы привлекательность медиации для зарубежных контрагентов с российскими сторонами и привлекательность медиации с зарубежными контрагентами для российских сторон.

14. Расширение применения медиации

136. Участие в Сингапурской конвенции опосредованно может влиять на улучшение перспектив использования медиации в качестве способа дружественного (внесудебного) урегулирования трансграничных коммерческих споров в России. Это может стать

стимулом для совершенствования режима приведения в исполнение и правового значения внутренних медиативных соглашений.

137. Подобное развитие событий наблюдалось в случае с третейским разбирательством: сначала был принят Закон Российской Федерации «О международном коммерческом арбитраже» от 07.07.1993 № 5338-1, что создало благоприятный правовой режим для этого способа урегулирования международных коммерческих споров, а затем были улучшены правовые условия для внутреннего третейского разбирательства.
138. В свою очередь, расширение практики медиации способствует снижению перегрузки судов и создаст следующие выгоды для участников коммерческих отношений:
- более оперативное урегулирование спора;
  - возможность разрешения нескольких споров одновременно, увязывание условий их прекращения в одном медиативном соглашении;
  - гибкость и вариативность решений;
  - контроль над процессом – стороны сами принимают решения, а не суд;
  - конфиденциальность;
  - психологический комфорт представителей сторон;
  - сохранение отношений между сторонами спора;
  - экономия денежных средств, снижение затрат на разрешение споров.

15. Свобода установления иного режима для внутренних медиативных соглашений

139. Учитывая положения ст. 7 Сингапурской конвенции (**пп. 73-75 выше**), не возникает препятствия для создания и поддержания в Российской Федерации иного, более благоприятного режима для внутренних российских медиативных соглашений (например, удостоверенных российским нотариусом).
140. Конвенция, в частности, не исключает применения национального законодательства, а функционирует во взаимодействии с ним, предоставляя государствам возможность сохранять собственные процессуальные механизмы реализации таких соглашений⁴⁵.
141. В Конвенции нет положения о национальном режиме и режиме наибольшего благоприятствования, поэтому в российском праве может параллельно действовать и иной, в том числе более благоприятный режим, например для медиативных соглашений, удостоверенных российским нотариусом.

16. Свобода установления специальных региональных или межрегиональных режимов взаимного приведения в исполнение медиативных соглашений

142. Из положения ст. 7 Сингапурской конвенции (**пп. 73-75 выше**) также следует, что Конвенция не препятствует последующему созданию в Российской Федерации специальных региональных или межрегиональных режимов взаимного признания и

---

⁴⁵ Callejas, P. (2019). *The Singapore Convention on Mediation: What everyone should know about it*. Universitat de Barcelona. P. 84. [URL](#)

приведения в исполнение медиативных соглашений, например в рамках ЕАЭС, СНГ или «большой Евразии».

143. В отношении соответствующих (меж)региональных режимов п. 4 ст. 12 Конвенции также специально устанавливает, что:

«4. Настоящая Конвенция не имеет преимущественной силы по отношению к противоречащим ей нормам региональной организации экономической интеграции, независимо от того, до или после настоящей Конвенции были приняты или вступили в силу такие нормы:

а) если, согласно статье 4, помощь запрашивается в государстве, которое является членом такой организации, и все соответствующие государства согласно пункту 1 статьи 1 являются членами такой организации, или

б) в отношении признания и приведения в исполнение судебных решений между государствами-членами такой организации».

144. Поэтому участие в Конвенции не мешает создавать упрощённые механизмы для отдельных стран в рамках (меж)региональной интеграции, например, взаимно приводить в исполнение медиативные соглашения без оговорки о публичном порядке (как это предусмотрено в отношении иностранных судебных решений, например, в ст. 52-55 Минской конвенции) или установить для медиативных соглашений, удостоверенных иностранным нотариусом (в том числе отдельных государств), национальный режим.

V. Оценка потенциальных юридических рисков для Российской Федерации, связанных с участием в Сингапурской конвенции

145. Потенциальное участие Российской Федерации в Сингапурской конвенции может также нести определённые риски. В этой связи требуется их анализ, в том числе с точки зрения подходов к их минимизации.
146. При этом в предварительном порядке можно заключить, что ни один из выявленных рисков не является высоким или значительным, и обоснованным видится комментарий Гайдаенко-Шер Н. И. о том, что «не существует законодательных препятствий для присоединения России к Сингапурской конвенции»⁴⁶.
147. В частности, присоединение к Конвенции не создаёт риска признания и приведения в исполнение медиативных соглашений, нарушающих права и законные интересы российских лиц.
148. Прежде всего это связано с тем, что медиативное соглашение не может приобрести юридическую силу без согласия всех его сторон, в отличие, например, от арбитражного решения. Наличие действительного и исполнимого соглашения сторон о передаче споров в арбитраж само по себе достаточно для вынесения арбитражного решения, в том числе неблагоприятного для одной из сторон. Между тем, поскольку медиатор не наделён полномочиями выносить обязательное решение по спору, результат процедуры медиации становится обязательным только при наличии прямого волеизъявления всех сторон.
149. Кроме того, Сингапурская конвенция предусматривает требование об обязательной письменной форме международного медиативного соглашения (п. 1 ст. 1), поэтому оно не может быть выведено из устных договорённостей сторон. Это исключает риск признания судом, в том числе иностранным, медиативного соглашения, заключённого в ходе переговоров устно.
150. Также Конвенция содержит оговорку о публичном порядке как основание для отказа в приведении в исполнение медиативного соглашения (п. 2(а) ст. 5) (**п. 68 выше**).
151. Далее, присоединение к Конвенции не создаёт риска признания и приведения в исполнение медиативных соглашений против самой Российской Федерации, её органов власти или лиц, действующих от имени таких органов власти, если, например, такое соглашение заключено от имени таких лиц вопреки их интересам: средство защиты от такого риска предусмотрено в самой Сингапурской конвенции. В частности, как было отмечено выше (**пп. 76-78**), государство – участник Конвенции может сделать оговорку о том, что оно не применяет Конвенцию «к мировым соглашениям, стороной которых является или стороной которых являются любые правительственные учреждения или любое лицо, действующее от имени правительственного учреждения, в той степени, как это указано в заявлении» (п. 1(а) ст. 8 Конвенции).
152. По смыслу оговорки включение в неё фразы «в той степени, как это указано в заявлении» означает, что государство может выборочно подойти к исключению мировых соглашений с его или его органов участием из сферы действия Конвенции; например, государство

---

⁴⁶ Гайдаенко-Шер, Н. И. Сингапурская конвенция о медиации. Постатейный комментарий. С. 155.

может исключить любые соглашения, за исключением мировых соглашений по спорам между государством и инвестором⁴⁷.

153. Как было отмечено выше (**п. 35**), участие/неучастие в Конвенции не влияет на возможность и риск приведения в исполнение медиативных соглашений против Российской Федерации, её органов власти или лиц, действующих от имени таких органов власти, вне России. Такие возможность и риск зависят только от участия в Сингапурской конвенции государства, в котором испрашивается помощь в приведении в исполнение медиативного соглашения.
154. Присоединение к Конвенции также не создаёт риска признания и приведения в исполнение медиативных соглашений, заключённых в результате непрофессиональных или небрежных действий медиатора: механизм защиты от таких ситуаций предусмотрен самой Конвенцией. Как отмечалось выше (**пп. 65-67**), компетентный орган может отказать в приведении в исполнение медиативного соглашения, если:
- «имело место серьёзное нарушение медиатором стандартов, применимых к медиатору или медиации, поскольку без такого нарушения эта сторона не заключила бы мирового соглашения» (п. 1(e) ст. 5 Конвенции);
  - «медиатор не раскрыл сторонам обстоятельства, которые вызывают обоснованные сомнения в его беспристрастности или независимости, и такое нераскрытие оказало существенное воздействие или ненадлежащее влияние на одну из сторон, поскольку без этого нераскрытия сторона не заключила бы мирового соглашения» (п. 1(f) ст. 5 Конвенции).
155. Кроме того, присоединение к Конвенции не создаёт риска злоупотребления механизмом трансграничного приведения в исполнение международных медиативных соглашений: например, «урегулирования» под видом медиативного соглашения несуществующих долгов с целью создания видимости законного основания передачи имущества в ущерб кредиторам, залогодержателю (нередко банку) или с целью отмывания незаконных доходов. В соответствии с Конвенцией у компетентного органа (т. е. в России у суда) сохраняются достаточные возможности проверки содержания и формы медиативного соглашения, включая отказ в признании или приведении в исполнение при ничтожности соглашения (по просьбе заинтересованной стороны – стороны, против которой испрашивается помощь в приведении в исполнение медиативного соглашения) или при выявлении противоречия публичному порядку государства компетентного органа (независимо от наличия просьбы такой стороны). При необходимости (при наличии сомнений) российский суд может привлекать в дело Федеральную налоговую службу Российской Федерации, Федеральную службу по финансовому мониторингу (Росфинмониторинг) и иные компетентные органы.
156. Исходя из всего вышеизложенного, представляется, что присоединение России к Сингапурской конвенции юридических рисков не создаёт.

---

⁴⁷ Там же. С. 102.

VI. Рекомендации об основных изменениях, необходимых для внесения в законодательство Российской Федерации для имплементации Сингапурской конвенции

157. В научной литературе отмечается, что присоединение России к Сингапурской конвенции не потребует существенных изменений законодательства⁴⁸. Это представляется в целом верным. Вместе с тем для имплементации Конвенции в России всё же понадобится внести ряд изменений (а точнее, дополнений) в законодательство: как показывает предварительный анализ⁴⁹ – в основном в АПК РФ.
158. При этом в общем порядке следует отметить, что вместо используемого в Конвенции термина «мировое соглашение, достигнутое в результате медиации», в российском законодательстве может быть использован уже существующий в нём, в том числе в Законе о медиации, термин «медиативное соглашение».

17. Закон о медиации

159. Прежде всего потребуются внести изменения в Закон о медиации, а именно, включить в его ст. 2 определение «международного медиативного соглашения» и дополнить его ст. 12 («Медиативное соглашение») положением о приведении в исполнение международных медиативных соглашений по коммерческим спорам в соответствии с Сингапурской конвенцией.
160. С учётом п. 1 ст. 1 Конвенции критерии международного характера медиативного соглашения таковы:
- в момент его заключения в письменной форме коммерческие предприятия по крайней мере двух сторон соглашения находятся в различных государствах либо государство нахождения коммерческих предприятий сторон соглашения не является ни государством, в котором исполняется значительная часть обязательств по соглашению, ни государством, с которым наиболее тесно связан предмет соглашения;
  - соглашение не заключено по спору, вытекающему из сделки в семейных, личных, в том числе домашних, целях, и не касается законодательства о браке и семье, наследственного права или законодательства о труде.
161. Следует также включить в данную статью отсылочную норму о том, что международные медиативные соглашения признаются и приводятся в исполнение в соответствии с арбитражным процессуальным законодательством и Сингапурской конвенцией.

18. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации

162. Потребуется также дополнить АПК РФ главой о приведении в исполнение международных медиативных соглашений по спорам, возникшим из гражданских правоотношений при

---

⁴⁸ Засемкова, О. Ф. (2019). Сингапурская конвенция о приведении в исполнение мировых соглашений, достигнутых в результате посредничества. *Lex russica*, 3(148). С. 70.

⁴⁹ Подготовка детальных предложений о внесении изменений в российское законодательство не является предметом настоящего обзора. В этой связи представлены лишь предварительные выводы о возможных изменениях. Более детальный анализ, возможно, покажет, что потребуются и иные, нежели предполагаемые на данном этапе, изменения.

осуществлении предпринимательской (и иной экономической) деятельности. Глава должна применяться в том случае, если (1) сторона, против которой подано заявление о приведении в исполнение медиативного соглашения, или (2) имущество такой стороны находится на территории России.

163. По своей структуре глава может быть аналогична § 2 («Производство по делам о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда») главы 30 АПК РФ.
164. При этом представляется целесообразным взять за основу уже имеющееся российское регулирование, а при формулировании новых положений иметь в виду иностранный опыт, в том числе текст соответствующей главы 52 Кодекса гражданского судопроизводства Республики Беларусь.
165. Глава АПК РФ должна включать:
- правило о том, что международные медиативные соглашения приводятся в исполнение на территории Российской Федерации судом;
  - указание на компетентный суд и срок подачи заявления стороной;
  - требования к форме и содержанию такого заявления на основе ст. 4 Конвенции;
  - порядок рассмотрения дел о приведении в исполнение международного медиативного соглашения;
  - основания для отказа в приведении в исполнение международного медиативного соглашения (соответствующие ст. 5 Конвенции).
166. Представляется целесообразным также рассмотреть вопрос о включении в АПК РФ специальных положений о праве суда по ходатайству стороны международного медиативного соглашения обязать другую сторону предоставить надлежащее обеспечение исполнения международного медиативного соглашения по правилам, установленным главой 8 АПК РФ («Обеспечительные меры арбитражного суда»). Это создаст гарантии более эффективной защиты прав стороны, которая обращается за приведением в исполнение международного медиативного соглашения.
167. Также следует включить в АПК РФ положение, отражающее смысл п. 2 ст. 3 Сингапурской конвенции, которая устанавливает, что:
- «Если возникает спор по какому-либо вопросу, который, как утверждает одна из сторон, уже был урегулирован посредством мирового соглашения, то Участник Конвенции разрешает этой стороне ссылаться на мировое соглашение в соответствии с его правилами процедуры и на условиях, изложенных в настоящей Конвенции, с тем чтобы доказать, что этот вопрос уже урегулирован».
168. А именно, такое положение должно иметь тот смысл, что если заявлено требование по какому-либо вопросу, который уже был урегулирован посредством медиативного соглашения, то такое требование не подлежит рассмотрению судом, при условии, что не имеется оснований для отказа в его признании, которые должны соответствовать ст. 5 Конвенции. При этом данное положение было бы логично и разумно распространить на любые медиативные соглашения, а не только на международные или не только на коммерческие. Это способствовало бы поощрению внесудебного урегулирования споров и устойчивости его условий.

169. Представляется, что соответствующее дополнение потребуется внести в ст. 127.1 (Отказ в принятии искового заявления, заявления) АПК РФ. А именно: указать, что судья отказывает в принятии искового заявления, если имеется медиативное соглашение по спору между теми же сторонами, о том же предмете и по тем же основаниям, за исключением случаев, когда имеется одно из обстоятельств, которые перечислены в ст. 5 Конвенции.
170. Кроме того, потребуется внести изменения (дополнения) в Налоговый кодекс Российской Федерации и, в частности, урегулировать правила об уплате государственной пошлины за рассмотрение судом дел о приведении в исполнение международных медиативных соглашений.